

Матеріаломъ къ развитію внѣшкольнаго образованія могутъ быть всѣ учрежденія нынѣ ликвидируемаго Попечительства о народной трезвости. Если имущество этого Попечительства будетъ использовано для организациі внѣшкольнаго образованія, то это дѣло сразу будетъ поставлено достаточно прочно и вполне нормально, оставаясь непремѣнно въ рукахъ правительства.

Къ этому дѣлу должны быть приглашены и всѣ мѣстныя культурныя силы въ лицѣ представителей церкви и земства, которымъ должны быть ввѣрены вся матеріальная часть внѣшкольнаго образованія и забота о должномъ развитіи этаго важнаго въ народной жизни дѣла. Нынѣшніе же неудачные опыты по внѣдренію атеизма въ народную душу должны быть ликвидированы въ наискорѣйшее время...*

Теперь допустимъ, что благоразумная часть общества сама, замѣтивъ опасность, ликвидируетъ эти попытки внѣдренія атеизма въ жизнь народную. Допустимъ эту возможность. Но тогда— въ чьихъ же рукахъ въ деревнѣ останется народное внѣшкольное образованіе? Оно *должно*, естественно *должно* быть въ рукахъ духовенства. Но духовенство развѣ желаетъ этого? развѣ оно ищетъ этой огромной возможности вліять на народъ? развѣ наше духовенство проявляетъ въ этомъ дѣлѣ свою инициативу?—

Эхъ отцы-отцы!—Когда проснемся? Когда мы поймемъ свои неисчислимыя обязанности и предъ св. церковію и предъ своимъ отечествомъ? Но прошу васъ, отцы духовные, на ближайшихъ вашихъ съѣздахъ и собраніяхъ поговорите по этому вопросу, подумайте, что можно намъ предпринять, чтобы не отнялъ Господь отъ насъ и послѣдняго нашего таланта...—Дѣло внѣшкольнаго образованія это только церковное дѣло! Оно непремѣнно должно быть ввѣрено намъ; но мы это довѣріе должны заслужить...

Епископъ Андрей.

Картинка изъ деревенской жизни.

— „Ну, матушка, сегодня я опять въ волю наплакался“. Съ такими словами обратился къ своей женѣ отецъ Илья, возвратясь послѣ обѣдни изъ церкви и садясь за столъ, на которомъ приготовленъ былъ чай.

— „О чемъ опять“!

— „Да все о томъ же, о чемъ рѣдко кто не плачетъ въ нынѣшнее несчастное время. Знаешь, вѣроятно, Тихона, сына бабушки Татьяны?“

— „Ну, конечно, знаю. Это тотъ, что два мѣсяца тому назадъ вмѣстѣ съ другими ратниками призванъ былъ на военную службу?“

— „Тотъ самый. Эти два мѣсяца они пробыли на обученіи въ Томскѣ, а теперь ихъ отправляютъ на театръ военныхъ дѣйствій. Не утерпѣлъ Тихонъ, чтобы не повидаться, быть можетъ, въ послѣдній разъ съ родной семьей, со старухой матерью, захотѣлось ему хоть однимъ глазкомъ взглянуть на нихъ. Когда поѣздъ былъ на „Зырянкѣ“, отпросился у начальника эшелона на одинъ денекъ домой и сегодня со всей семьей былъ въ церкви. Увидѣлъ я его, увидѣлъ старуху мать, жену его всю въ слезахъ, ребятишекъ— все горе ихъ предстало предо мной во весь свой ростъ... Смутился я, крѣпко смутился, но подавилъ свое смущеніе. Послѣ обѣдни сталъ служить для нихъ молебенъ Всемиловитому Спасу и Заступницѣ усердной, Пречистой Матери Его, вышелъ на амвонъ читать Евангеліе... Покорно склонилъ подъ Евангеліе свою главу Тихонъ, предавая себя и свою семью во всеблагую волю Божию, склонили свои стриженныя головки ребятишки, поникла съдой головой бабушка Татьяна... Представь, вѣдь это уже третьяго сына она провожаетъ на войну, а помнишь, въ какомъ горѣ, въ какой нуждѣ воспитывала она ихъ послѣ смерти мужа, вѣдь Тихонъ-то, самый старшій изъ нихъ, остался отъ отца всего 10-ти лѣтъ. Все это мигомъ пронеслось въ моей головѣ, не утерпѣлъ я,—слезы брызнули изъ глазъ, а когда на эктеніи сталъ поминать о здравіи и спасеніи православныхъ воиновъ Тихона, Макарія, Іакова, окончательно потерялъ самообладаніе и почти разрыдался. Нечего говорить о томъ, что и богомольцы мои крѣпко умылись слезами... Кончился молебенъ, попрощались мы съ Тихономъ, облобызались, какъ водится при прощаніи и опять крѣпко всплакнули. Хотѣлъ было я сказать ему нѣсколько словъ въ одобреніе и утѣшеніе, но спазмы сдавили горло, и ничего я не могъ проговорить, подалъ только ему просфору въ благословеніе, надѣлъ ему на шею крестикъ, да съ тѣмъ и разстались, онъ пошелъ на могилу отца, а я возвратился въ алтарь и долго, долго еще не могъ успокоиться.

— „Да, жалко, жалко бѣднягу Тихона, со вздохомъ проговорила матушка. Не менѣе жаль и бабушку Татьяну. Съ молодыхъ лѣтъ не видала она красныхъ дней: вначалѣ болѣзни дѣторожденія, нянченье съ малыми дѣтьми, затѣмъ смерть мужа, вдовство, сиротство. Только на старости улыбнулось было ей счастье: дѣти выросли добрыми, поженились, обзавелись каждый своей семьей,—жить бы только, да радоваться, да Бога славить... Но вотъ налетѣлъ этотъ военный шквалъ, и все ея счастье разметалъ: опять скорбь, опять слезы, сиротство“.

— „А подумай-ка, сколько теперь на св. Руси такихъ Тихоновъ, такихъ бабушекъ Татьянъ! Кто сможетъ счесть ихъ вздохи сер-

дечные, кто измѣритъ всю глубину ихъ скорби! А все это надѣлалъ нѣмецкій кайзеръ. Не даромъ прозвали его кровавымъ. Да воздасть ему Господь по дѣломъ его въ день праведнаго своего воздаянія,—проговорилъ о. Илья, выходя изъ-за стола и крестясь на св. иконы, христоролюбивыхъ же воиновъ нашихъ, бѣдныхъ страдалищъ матерей и малыхъ дѣтокъ да утѣшитъ и укрѣпитъ своею всеильною благодатію. Священникъ *Николай Тихомировъ*.

Присоединеніе къ православію.

21 мая с. г., въ день св. Равноапостальнаго царя Константина и матери его Елены въ градо-Тобольской Спасской церкви настоятелемъ ея, протоіереемъ Николаемъ Унжаковымъ, было совершено присоединеніе къ Православной Греко-Восточной Каѳолической церкви четырехъ униатовъ—военно-плѣнныхъ славянъ: Михаила Высочанскаго, Михаила Крысы, Ивана Жука и Ивана Чижа.

Просоединенные—жители Галиціи, по національности—русины, австрійскіе подданные. До начала великой міровой войны они состояли псаломщиками униатскихъ церквей, при чемъ каждый изъ нихъ исполнялъ псаломщическія обязанности при нѣсколькихъ церквахъ,—трехъ, четырехъ. Когда же началась война Россіи съ Австріей, австрійскія власти призвали ихъ, псаломщиковъ, въ ряды войскъ и силою заставили поднять кровавый мечъ на братьевъ по крови и вѣрѣ. Но они, какъ говорили сами присоединенные, по чувству братства къ великому народу, не могли стрѣлять въ русскихъ, своихъ же освободителей отъ многовѣкового тевтонскаго ига, и желали лишь одного, чтобы Господь помогъ имъ попасть въ русскій плѣнъ, что скоро и случилось. Со времени прибытія въ городъ Тобольскъ, плѣнные—галичане-униаты часто посѣщали церковное богослуженіе въ православныхъ храмахъ. Тоска по родинѣ, забота о семьяхъ, оставленныхъ на произволь судьбы, усиливала ихъ религіозное чувство. Теперь они окончательно рѣшили давно задуманное намѣреніе о присоединеніи къ православію, чтобы еще болѣе крѣпкими духовными узами соединиться съ братьями-освободителями, дабы едиными устами и единымъ сердцемъ прославлять Бога Единого. Приводя въ исполненіе свое намѣреніе, плѣнные галичане обратились съ ходатайствомъ къ мѣстному епархіальному начальству о разрѣшеніи присоединиться къ Православной Церкви. Разрѣшеніе послѣдовало. Духовная консисторія, указомъ своимъ отъ 30 марта 1915 г. за № 6100, предписала настоятелю Богородице-Введенской и Спасской церквей, протоіерею Н. Унжакову, по сношеніи съ военнымъ